

УДК 338.222

DOI: 10.21209/2227-9245-2017-23-5-81-90

**СИСТЕМНАЯ СВЯЗЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ, РЕГИОНАЛЬНОЙ
И МУНИЦИПАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ:
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ**

**SYSTEMIC COMMUNICATION OF STATE, REGIONAL AND MUNICIPAL
POLICY: SOCIO-ECONOMIC CONDITIONS**

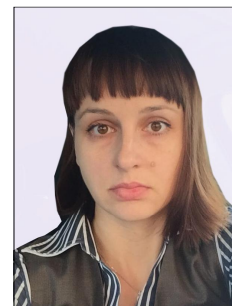
Е. В. Булах,
Дальневосточный
федеральный университет,
г. Владивосток
bulakhevg@mail.ru

E. Bulakh,
Far Eastern Federal University,
Vladivostok

И. В. Романова,
Забайкальский
государственный университет,
г. Чита
il.romanova2010@yandex.ru

I. Romanova,
Transbaikal State University,
Chita

И. В. Романченко,
Дальневосточный
федеральный университет,
г. Владивосток

I. Romanchenko,
Far Eastern Federal University,
Vladivostok

Представлен комплексный анализ факторов, определяющих системные взаимодействия векторного развития государственной, региональной и муниципальной политики в условиях протекающих процессов децентрализации государственного управления в России. Изучение особенностей экономической политики разного уровня показало как определенную степень свободы ее субъектов, так и существование определенной зависимости параметров и элементов политико-экономической деятельности как на региональном, так и на местном уровнях. Поставленная нами задача – выявить параметры политического механизма взаимодействия субъектов экономической политики разного уровня требует акцентирования внимания на моментах системной связи государственной и муниципальной политики. Отмечается тот факт, что системность политико-экономической сферы государства – комплексное единство многих взаимопересекающихся структур, смысловые интенции которых (направленность экономического интереса) частично совпадают, частично противостоят друг другу, частично автономны. На основании проведенного исследования установлено, что поддержание системной целостности, особенно в период трансформаций и реформ, большей частью ложится на системно-структурные образования. Поэтому значение имеет структурирование целого, в данном случае выделение региональной и муниципальной составляющей экономической политики данного государства, разграничение двух плоскостей ее формирования: плоскость вертикальной иерархии – государственная, в том числе, государственная региональная политика (политика в отношении регионов) и горизонтальный срез – экономическая политика самих регионов

Ключевые слова: экономическая система; государственная региональная экономическая политика; политический процесс; рыночная экономика; субъекты экономической политики; экономические реформы; кризисные характеристики; экономические программы; политическая стабильность; процессы децентрализации

The article presents a comprehensive analysis of the factors that determine the systemic interactions of the vector development of state, regional and municipal policies in the context of ongoing decentralization of public administration in our country. The study of economic policy features at different levels has showed both a certain

degree of freedom of its subjects, and the existence of a certain dependence of parameters and elements of political and economic activity at both state and local levels. The task set by the authors is to reveal the parameters of the political mechanism of interaction between subjects of economic policy at different levels and it requires an emphasis on the moments of the systemic connection between state and municipal policy. The article points out the fact that the systemic nature of political and economic sphere of the state is a complex unity of many mutually intersecting structures whose meaningful intentions (direction of economic interest) overlap partially, partially opposed to each other, and partly completely independent of each other. On the basis of the conducted research it was established that the maintenance of system integrity, especially in the period of transformations and reforms, mostly falls on system-structural formations. Therefore, the structuring of the whole, in this case the separation of the regional and municipal component of the economic policy of the given state, delineation of the two planes of its formation is of importance: the plane of vertical hierarchy is the state hierarchy, including the state regional policy (policy in relation to the regions) and the horizontal slice is the economic policy of the regions themselves

Key words: economic system; state economic policy; political process; market economy; economic policy subjects; economic reforms; crisis characteristics; political actors; economic programs, political stability; decentralization processes

---

Системный подход как общенаучная методологическая концепция реализует философский принцип системности при изучении сложных социальных явлений. Само понятие «система» — научная абстракция, но применение ее в совокупности аналитических процедур научного познания позволяет выявить некие особые качества, объективно присущие социальным явлениям, выявить возможности динамики их развития. Как правило, в социальных науках системный подход применяется не к тем объектам, которые представляют собой целостность в эмпирической данности, а тогда, когда целостность неочевидна, но необходимо выявить основания их взаимозависимости, структурной стабильности или стадийной изменяемости.

Несмотря на то, что системные представления имеют давнюю историю, но и по сей день не существует общезначимых определений системы. В. С. Тюхин, например, предложил следующее: «Система есть множество связанных между собой компонентов той или иной природы, упорядоченное по отношениям, обладающим вполне определенными свойствами: это множество характеризуется единством, которое выражается в интегральных свойствах и функциях множества» [8]. Данное определение подчеркивает компонентность структуры и обязательное наличие интегрирующих систему функций. В то же время для описания моментов систем-

ной связи такого сложного явления, как система экономической политики, столь краткого определения недостаточно. Поэтому следует прибегнуть к большей степени детализации системно-аналитических представлений.

С. С. Фролов, основываясь на теоретических исследованиях Э. Г. Юдина, выделил следующие обобщенные принципы системного подхода.

1. Необходимое условие существования действующей системы — наличие связей между отдельными системными единицами, что позволяет этим единицам (при наличии определенных условий) вступать во взаимоотношения. Из этого положения следует, что система — это некоторое сложное (по внутреннему строению) целое, которое невозможно разделить на абсолютно независимые элементы.

2. Свойства системы в целом отличаются от свойств ее отдельных элементов, но определяются этими свойствами.

3. Система как целое может оказывать влияние на свойства, позиции отдельных элементов, в определенном направлении изменяя их.

4. Существенное изменение свойств ряда системных элементов может привести (после накопления изменений и перехода количества накопленных изменений через определенную грань) к качественному изменению всей системы. Результатом такого качественного изменения может стать либо

регресс — упрощение внутренней структуры, либо же появляется система более высокого уровня, происходит усложнение структуры системных единиц.

5. Любая система создает границы в отношении собственных системных единиц, отделяясь от внешнего окружения.

6. В отношениях системы и внешнего окружения действует принцип энтропии, в соответствии с которым любая система стремится выровнять свое состояние с внешним окружением.

7. Любая система иерархична, в ней присутствуют системные единицы различных уровней. При этом невозможно говорить о системе самого высокого уровня (предельной системе) и системе предельно малого уровня [9].

Применяя эти принципы к анализу и конструированию системной модели российской экономической политики, следует выполнить ряд процедур.

1. Опираясь на основной постулат теории систем — первичность целого — выделить основания системной целостности изучаемого явления.

2. Целостность системы предполагает ее определенную отдаленность от другого целого и окружающей среды, поэтому задача определения границы и внешних связей объекта принципиально важна.

3. Анализ строения и выявление структуры системы предполагает учет поэлементного состава и определение структуры внутренних связей, установления принципа этих связей.

4. Анализ функционирования и принципов развития системы следует из свойства непрерывности функционирования. Политико-экономические процессы в обществе непрерывны, не могут быть приостановлены. Причем функционирование социальных систем напрямую связано с их самоорганизацией и саморазвитием.

5. Проблема управляемости системы возникает при конструировании системы прикладного характера, каковой является система формирования и реализации экономической политики. Таким образом, система раскрывается с позиций ее проек-

тирования, организации системной регуляции и контроля деятельности.

Определяя государство как системную целостность, отметим, что государство — это универсальный фактор, соответствующим образом дифференцирующий людей, но, в то же время, через государственные механизмы мобилизирующий человечество в единую общность. Данное определение выступает квинтэссенцией системного подхода к государству и может быть перенесено на систему государственной экономической политики.

Единое человечество представляет собой абсолютное неисторическое бытие глобальной человеческой общности. Исторически и географически человечество существует в виде отдельных территориально-социальных общностей. Появление государственной экономической политики связывается с появлением национального государства, объединившего людей общими интересами, едиными процедурами и регламентами. «Мы понимаем под государством, — писал немецкий социолог О. фон Гирке, — высшую и наиболее всеохватывающую коллективную общность — неосознаваемую, но рационально улавливаемую в качестве реальной, которая в социальной жизни человека ставится выше индивидуального бытия. Для нас эта коллективная общность является постоянным, живым, активно действующим единством, формируемым всем народом» [5]. Источником этой коллективной общности и единства выступает национальный интерес.

Государство — выразитель интересов людей, образующих данное государство. В этом качестве государство обозначается как система, проводящая интересы участников, и категория государственного (национального, общественного) интереса выступает системообразующей, основой интегративной функции.

Концепция национального интереса вызывает возражения ряда исследователей. Например, Б. Г. Капустин полагает, что обычное отождествление его с объективной логикой самовыражения системы неправомерно. Категория национального

интереса, понимаемая как системно-интегрирующее понятие, уводит исследователей от проблемы субъектов интереса. Поскольку в каждом государстве находится некоторое количество людей, иногда достаточно большое, не разделяющее выраженные таким образом интересы. Другой его аргумент — категория национального интереса предполагает если не тождество, то, во всяком случае, изоморфизм государства и общества. Но такая идентификация возможна только тогда, когда государство выступает продуктом воли общества. Но такой подход не будет вписываться ни в одну из существующих сегодня теорий элитистской демократии. Также не работает ссылка на «национальный консенсус» и «национальную нравственную матрицу». Поэтому Б. Г. Капустин делает вывод о познавательной категории «национальный интерес», но при этом не отрицает политической и идеологической роли ее в функционировании механизма власти [4].

Можно расширить вектор взгляда и привести примеры формирования политических режимов в обществах, слабо дифференцированных социально, и мозаичных в этноконфессиональном отношении. В этом случае моноцентрическая государственная система, как правило, обслуживает клановые, этнические и другие партикулярные интересы, выдаваемые за всеобщие. Устанавливается значительная автономия государства от общества, но при сохранении интегрирующих функций, иногда даже насильственными методами.

В том случае, когда речь идет об экономических интересах, основной составляющей системы экономической политики, то определение системных оснований становится еще более проблематично. Яркий пример — демократический режим Сальвадора Альенде в Чили сопровождался катастрофическим падением жизненного уровня населения, галопирующей инфляцией и прочими «прелестями» экономического кризиса. Тиранический режим генерала А. Пиночета, чудовищной несправедливостью, но верно выбранный курс экономической политики и недемократическая система послушания привели к тому,

что Чили становится вполне экономически благополучной страной. Важно выяснить, какой интерес здесь выступал фактором системной интеграции.

Трудности понимания возникают, на наш взгляд, вследствие упрощения системного подхода и попыток примитивизации категории интереса. Большинство исследователей согласны с тем, что национальный интерес России состоит в необходимости построить эффективную рыночную экономику, способную обеспечить как высокие и устойчивые темпы экономической динамики, так и значительный рост уровня жизни населения. Но система интересов состоит также из разрозненных структурных элементов — интересов различных социальных групп или разносферных интересов (политических, экономических, социальных и т.д.). Причем реализацию экономических интересов невозможно связать лишь с территориальной принадлежностью или политическим устройством. Поэтому попытки построения системной иерархии интересов как платоновской системы идей, которую возглавляет абсолютная идея, «идея всех идей» (в нашем варианте — национальный интерес) обречена на провал. Все приведенные аргументы Б. Капустина к такой иерархии вполне допустимы. Система интересов не имеет столь жесткой структурированности. Это некая живая изменяющаяся социальная ткань.

Можно согласиться с точкой зрения исследователя А. Д. Некипелова, что любой групповой интерес (в том числе и национально-государственный) не является неким абсолютным значением желательных для соответствующей группы параметров [7]. Но его представление о групповом интересе как о ранжированной по степени важности системе возможных состояний приемлемо только к малым социальным группам, либо группам специальных интересов, но не к широким социальным слоям, стратам или населению государства в целом. Хотя такое представление может лечь в основу процедуры согласования интересов как политического механизма формирования государственной экономической политики.

Кристаллизация национальных интересов происходит во взаимодействии с другими государствами, международными организациями, определяя данное государство как целое и его экономическую политику как функционирование системной целостности. В то же время существуют интересы, связывающие данное государство или представителей данного государства с другими, более высокими уровнями системного структурирования. Например, с этих позиций на территории каждого государства можно выделить социальные группы по способам и степени связи реализации экономических интересов с глобальной экономикой, по степени включенности их в глобальный контекст:

1) политическая и бизнес-элита, которая своими экономическими стратегиями ориентирована на эксплуатацию глобальных каналов циркуляции социальных и экономических ресурсов;

2) социальные слои и группы, не связанные непосредственно с глобальными экономическими механизмами, но занятые информационным, техническим и технологическим обслуживанием первой группы, в процессе реализации ею своих, ориентированных на глобальный миропорядок экономических интересов;

3) традиционные или маргинальные слои и группы, лишенные возможности приобщения к даже самым элементарным благам глобального потребления.

Национальный интерес в представлении каждой из этих групп трансформируется либо в отказ от собственной независимой трактовки государственных интересов, либо в формулирование полностью изоляционистских систем интересов. Наставляя на позиции суверенности государственной экономической политики, следует подчеркнуть, что в современном взаимосвязанном и взаимозависимом мире нет и не может быть ее абсолютно суверенного варианта, поскольку нет и не может быть ни в чем неограниченных государств. В мире общепризнанным является принцип приоритета норм международного права перед национальным, внутригосударственным

правом. Сегодня никто не имеет право ссылаться на свой государственный суверенитет, если мировое сообщество в лице ООН осуществляет соответствующие санкции в отношении государств, серьезно нарушающих Устав ООН, Всеобщую декларацию прав человека и другие важнейшие международно-правовые акты. Однако подчинение данной реальности не отменяет государственного суверенитета. Вхождение многих европейских государств в Европейский Союз, безусловно, ограничивает их независимость, но вовсе не означает отмены самостоятельности, суверенности курса экономической политики. Процессы глобализации, устанавливая экономические и коммуникационные связи различных государств, делают доступной для всеобщего обозрения систему межгосударственных сравнений уровня и качества жизни, усиливают процессы индивидуализации выбора целей и инструментов экономической политики.

Из всего изложенного в отношении экономического интереса как основы системной целостности государственной экономической политики следует ее особое понимание. Системность политико-экономической сферы государства мыслится нами как комплексное единство многих пересекающихся структур, смысловые интенции которых (направленность экономического интереса) частично совпадают, частично противостоят друг другу, частично независимы друг от друга. Реализация экономической политики осуществляется как схема полиархии: центры властного конструирования и реализации экономической политики сегментированы, распределены в социальной ткани и предполагают сложную конфигурацию взаимоотношений различных центров влияния.

Поддержание системной целостности, особенно в период трансформаций и реформ, зачастую сопровождается системно-структурными образованиями. Поэтому значение имеет структурирование целого, в данном случае выделение региональной и муниципальной составляющей экономической политики данного государства, раз-

граничение двух плоскостей ее формирования: плоскость вертикальной иерархии – государственная, в том числе, и государственная региональная политика (политика в отношении регионов) и горизонтальный срез – экономическая политика самих регионов. В условиях жесткой монополизации советского общества такое разграничение понятий даже теоретически не проводилось, поскольку власти на местах были проводниками линии партии на всемерное улучшение благосостояния народа. Только реально реализуемая федерализация требует концептуализации данных моментов, делает возможным их системно-структурное разграничение.

Каждый элемент системы на своем уровне существования характеризуется собственной системной целостностью. Как правило, в понятие «государственная региональная политика» вкладывают проявление региональных аспектов всех других направлений экономической политики государства: региональные аспекты социальной политики, региональные аспекты бюджетного распределения и т.д. На наш взгляд, требуется четкая определенность в системе субъект-объектных отношений выработки и реализации региональной экономической политики, определение региона как системной целостности.

Обычно регион как структурная единица совпадает с административными границами территорий субъектов Российской Федерации либо объединяет территории нескольких субъектов. Однако критерия административного деления в данном случае недостаточно, поскольку требуется обосновать появление дополнительного «синергетического» свойства, обеспечивающего трансформацию территориальности в новое качество системной целостности.

Признаки, определяющие системную целостность региона, зависят от характера исследовательского проекта. Это может быть:

- 1) климатогеографическое, пространственное единство;
- 2) единство экономико-хозяйственной структуры;

- 3) политико-административная структура;

- 4) этническая общность;

- 5) социокультурное единство;

- 6) единство правового регулирования.

Регионоведы В. Лексин и А. Швецов полагают, что «вполне приемлемым представляется определение региона как части пространства страны в границах, установленных в соответствии с каким-либо доминантным для данного исследования признаком». «Чаще всего в качестве такового принимают ареал юрисдикции региональных или местных органов власти (административно-территориальная граница) [6]. Они связывают регион с пространственной определенностью, выводя из нее все остальные признаки.

Политологи, социологи, экономисты, разрабатывающие новое направление социальных исследований – регионалистику, предлагают рассматривать регион как социальную систему со всеми характеристиками и функциями, обеспечивающими целостность жизнедеятельности [10].

Исследователь О. М. Барбаков утверждает, что регион как естественно-историческое пространство должен обладать социально-пространственной общностью организации проживающего в его рамках населения, в регионе как территориальной общности должен осуществляться обмен всеми основными видами деятельности людей, обеспечивающими социальное воспроизводство населения, регион должен иметь возможность функционировать как относительно самостоятельное социальное образование, обладать своеобразием природных условий, определенным уровнем развития производительных сил и производственной инфраструктуры [8]. Таким образом, именно системная целостность региона определяет возможности осуществления его относительно самостоятельной экономической политики.

Что касается муниципальных образований, то все признаки системной целостности, присущие регионам, относятся и к этим территориальным структурам. Добавим сюда большую доступность власти, тес-

ные неформальные горизонтальные связи и получим основание для эмерджентного свойства местного сообщества как системы. Хотя для России в настоящее время это пока еще потенциальное свойство в силу слабой организованности местной власти как органов самоуправления и отсутствия осознания местным сообществом себя как социального, политического субъекта.

Вхождение региона как структурной единицы, как одного из уровней реализации экономической политики в общую систему государственной власти позволяет обеспечить процесс функционирования целого — экономики всего государства. Именно региональная политика (политика регионов) за годы проведения экономических реформ стала важнейшим фактором макроэкономической политики государства, демонстрирует определенный тип системного взаимодействия центра и регионов в трансформационном обществе.

Анализ реформационного процесса показал устойчивость российской экономики: при спаде промышленного производства и сокращении инвестиций в России не произошли неминуемые повсеместные остановки производства, развал систем жизнеобеспечения населенных пунктов, сбои в транспортном сообщении, крупные социальные катаклизмы и т.д.

По мнению В. И. Иншаева, среди множества таких факторов, как стойкость и терпение населения, богатые минерально-сырьевые запасы, исторические традиции, устойчивость к деструктивным сверхперегрузкам российских предприятий, «одним из наиболее важных факторов, если не самым важным, позволившим национальной экономике избежать коллапса, стала административная и хозяйственная деятельность региональных органов государственной власти. В сущности, регионы явились основным конструктивным противовесом неадекватной макроэкономической политике» [3].

Именно регионы выполняли стабилизирующую роль в условиях либерализации экономики, осуществляя не только меры экономического регулирования, но и ре-

ализуя программы по поддержанию социальной стабильности и общественного порядка. Эта функция определялась территориальной приближенностью региональных и муниципальных властей к населению.

Чтобы не допустить окончательной остановки производства, массовой безработицы, региональные администрации повсеместно проводили активную политику экономического регулирования: становились посредниками между предприятиями в острых ситуациях, выступали гарантами соблюдения достигнутых договоренностей; формировали региональные схемы взаимозачетов и вексельного оборота; использовали собственные финансовые ресурсы для стимулирования спроса на продукцию местных предприятий, оказывали всестороннюю помощь в получении кредитов на пополнение оборотных. Следует отметить, что концепция «минимального государства» на федеральном уровне экономической политики дополнялась значительным государственным вмешательством на региональном. Отказ федерального уровня государственной власти от рассмотрения многих социально-экономических проблем автоматически опускает их решение на региональный и муниципальный уровни.

Независимость и даже некая безответственность центра в отношении экономической политики заложена в системных связях бюджетного федерализма. Анализируя процедуру формирования федерального и местного бюджетов, мы отмечаем формирование такой модели распределения налоговой базы, которая приводит к независимости федерального правительства от экономического роста на местах. Отсутствие у местной власти системных источников развития привело к тому, что экономический рост после финансового кризиса остановился. Положительная динамика не сохранилась [2].

В результате резкого падения курса доллара произошел рост производства товаров на экспорт не только в традиционных отраслях, но во многих других, процессы импортозамещения в машиностроении,

легкой и пищевой отраслях привели к подъему промышленного производства.

Проанализировав результаты экономического роста, мы пришли к выводу о том, что значение имеет не столько «анатомия» этого процесса — структура факторов роста, сколько условия, в которых он протекает, и воздействия на систему российской экономики, которые он оказывает. Экономический рост смягчил последствия кризиса, не затронув его причин. Рост не решил главной задачи — генерировать и закрепить необходимое количество инвестиционных ресурсов, без чего невозможно сохранение позитивной динамики.

Оказалось, что в России отсутствуют системные основания этого процесса. В результате либеральной реформы и процессов приватизации государство лишено возможности выступать главным инвестором российской экономики. Муниципальные образования как экономические субъекты и субъекты экономической политики оказались слишком слабы и неподготовлены, чтобы сохранить элементы динамики. Децентрализованная система накопления и инвестирования не была создана. В результате экономический рост 1999–2000 гг. приобрел качества «роста без развития».

По-прежнему общая черта послекризисного экономического роста та, что основной прирост ВВП, более чем на 70 % обеспечивают отрасли топливно-энергетического комплекса. Прямые инвестиции в производство товаров и услуг мизерны, модернизация материально-технической базы практически не наблюдается даже в топливно-энергетическом комплексе. Поэтому можно сказать, что продолжается безинвестиционный этап восстановления экономики, в то время как для нормаль-

ного ее функционирования требуются значительные вложения. Недопустимо низки результаты в производстве услуг, в первую очередь — коммунальных и транспортных.

Таким образом, системные диспропорции в отношениях центра и регионов привели к тому, что послекризисный рост экономики на уровне регионов и муниципалитетов оказался почти полностью неощутим. Все позитивные результаты роста сосредоточились на федеральном уровне. Этому способствовала существующая система распределения полномочий центра и регионов, система формирования бюджетных доходов и расходов. Таким образом, экономический кризис и экономический рост показали, что гиперцентрализованная система территориального управления исчерпала себя. Требуется формирование модели «нового регионализма», при которой будут созданы системные основания паритетного баланса централизации и территориальной децентрализации власти.

Для этого следует отказаться от примитивных и упрощенных подходов к формированию экономической политики и признать, что она конструируется не сама собой из какого-то одного центра иерархии, а конституируется содержанием, структурой, динамикой системных связей субъектов различного уровня ее реализации. Процесс формирования экономической политики — не статическая регламентированная процедура, а скорее многоуровневый и многозначный коммуникационный процесс. Таким образом, мы делаем вывод об актуальности комплексного изучения коммуникационного механизма формирования всей экономической политики государства на разных уровнях.

Список литературы

1. Барбаков О. М. Региональное управление: реалии и перспективы, СПб.: Лань, 1999. С. 182.
2. Булах Е. В. Институциональные преобразования в российской государственной экономической политике в процессе формирования рыночных отношений // Вестн. Забайкал. гос. ун-та. 2016. Т. 22. № 2. С. 39–47.
3. Иншаев В. А. Макроэкономическая политика и регионы // Проблемы прогнозирования. 2001. № 5. С. 4.

4. Концепция национальных интересов: общие параметры и российская специфика. Круглый стол // Мировая экономика и международные отношения. 1996. № 7. С. 65–66.
5. Лебедева Н. Н. Новая институциональная экономическая теория. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2012. 200 с.
6. Лексин В., Швецов А. Общероссийские реформы и территориальное развитие // Российский экономический журнал. 2004. № 4. С. 8.
7. Некипелов А. Д. Глобализация и стратегия развития экономики России // Проблемы прогнозирования. 2001. № 4. С. 3–16.
8. Тюхин В. С. Отражение, системы, кибернетика. М.: Наука, 1972. 270 с.
9. Фролов С. С. Социология организаций. М.: Гадарика, 2001. С. 38–39.
10. Якунин В. И. Идеология экономической политики: проблема российского выбора. М.: Научный эксперт, 2012. С. 165.

References

1. Barbakov O. M. *Regionalnoe upravlenie: realii i perspektivy* [Regional management: realities and perspectives]. St. Petersburg: Lan, 1999. P. 182.
2. Bulakh E. V. *Vestn. Zab. Gos. Univ.* (Transbaikal State University Journal), 2016, vol. 22, no. 2, pp. 39-47.
3. Inshaev V. A. *Problemy prognozirovaniya* (Problems of forecasting), 2001, no. 5, p. 4.
4. *Kontseptsiya natsionalnyh interesov: obshhie parametry i rossiyskaya spetsifika* (The concept of national interests: general parameters and Russian specificity): World Economy and International Relations, 1996, no. 7, pp. 65–66.
5. Lebedeva N. N. *Novaya institutsionalnaya ekonomicheskaya teoriya* [New institutional economic theory]. Volgograd: Volgograd scientific publishing house, 2012. 200 p.
6. Leksin V., Shvetsov A. *Rossiyskiy ekonomicheskii zhurnal* (Russian Economic Journal), 2004, no. 4, p. 8.
7. Nekipelov A. D. *Problemy prognozirovaniya* (Problems of forecasting) 200, no. 4, pp. 3–16.
8. Tyukhin V. S. *Otrazhenie, sistemy, kibernetika* [Reflection, systems, cybernetics]. Moscow: Science, 1972. 270 p.
9. Frolov S. S. *Sotsiologiya organizatsiy* [Sociology of organizations]. Moscow: Gadariki, 2001, pp. 38–39.
10. Yakunin V. I. *Ideologiya ekonomicheskoy politiki: problema rossiyskogo vybora* [Ideology of economic policy: the problem of Russian choice]. Moscow: Scientific expert, 2012, p. 165.

Коротко об авторах

Булах Евгений Васильевич, канд. полит. наук, доцент кафедры «Политология», Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия. Область научных интересов: социология, политические науки, экономика, государственное и муниципальное управления, государственная политика
bulakhev@mail.ru

Романова Илона Валерьевна, д-р социол. наук, профессор кафедры «Социально-правовые дисциплины», Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия. Область научных интересов: гендерная социология, философия одиночества, деловые коммуникации, государственное и муниципальное управление
il.romanova2010@yandex.ru

Романченко Инна Викторовна, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия. Область научных интересов: правовое регулирование, экономика, государственное и муниципальное управление, территории с особым экономическим режимом

Briefly about the authors

Eugeny Bulakh, candidate of political sciences, associate professor, Political Science department, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia. Sphere of scientific interests: political sciences, sociology, economics, state and municipal management

Попа Романова, doctor of sociological sciences, professor, Social and Legal Disciplines department, Transbaikal State University, Chita, Russia. Sphere of scientific interests: gender sociology, philosophy of solitude, business communications, state and municipal management

Inna Romanchenko, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia. Sphere of scientific interests: legal regulation, economics, state and municipal management, territories with a special economic regime

Образец цитирования

Булах Е. В., Романова И. В., Романченко И. В. Системная связь государственной, региональной и муниципальной политики: социально-экономические условия // Вестн. Забайкал. гос. ун-та. 2017. Т. 23. № 5. С. 81–90. DOI: 10.21209/2227-9245-2017-23-5-81-90.

Bulakh E., Romanova I., Romanchenko I. System communication of state, regional and municipal policy: socio-economic conditions // Transbaikal State University Journal, 2017, vol. 23, no. 5, pp. 81–90. DOI: 10.21209/2227-9245-2017-23-5-81-90.

Дата поступления статьи: 25.04.2017 г.
Дата опубликования статьи: 31.05.2017 г.

